

элементовъ, знакомыхъ людямъ отъ далекой древности, даетъ все новыя и новыя сочетанія, художникъ будетъ вводить въ область искусства то, что только нарождается, и исключать изъ нея то, что отжило свое время.

При оцѣнкѣ искусства, Толстой обнаруживаетъ крайне неясное представленіе о рабочемъ человѣкѣ. Его характеристика совсѣмъ не примѣнима къ простымъ людямъ—огромному большинству крестьянъ и работникамъ промышленности. Почти каждый изъ нихъ привинченъ къ немногимъ видамъ несложнаго труда. Призваніе фабричнаго работника открываетъ ему очень тѣсное поле зрѣнія. Хотя предъ крестьяниномъ оно часто бываетъ шире, но все же крайне узко. Если поселянинъ живетъ въ лѣсной мѣстности, то, обыкновенно, не знаетъ степи; хозяйствуя въ степи, онъ почти не знаетъ лѣса. Если онъ принадлежитъ къ горнорабочимъ, то ему знакомы трудъ и опасности въ нѣдрахъ земли, но неизвѣстны особенности труда въ степи и лѣсу. Говоря, что русскій рабочій человѣкъ знакомъ съ моремъ, Толстой забываетъ о континентальномъ положеніи Россіи и дѣлаетъ утвержденіе, пригодное только для маленькихъ острововъ. Невольно возникаетъ и такой вопросъ: какая связь соединяетъ рабочаго человѣка съ людьми разныхъ вѣроисповѣданій и національностей? На крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, среди русскихъ и православныхъ встрѣчаются иногда работники другихъ національностей и исповѣданій. Но если связь ограничивается единствомъ мѣста труда, то не увеличиваетъ опытности русскихъ или же увеличиваетъ ее очень мало. Въ русскихъ деревняхъ такое общеніе бываетъ только тамъ, гдѣ встрѣчаются евреи или, пососѣдству, живутъ сектанты. И самая борьба крестьянъ съ природой, большею частью, мало обогащаетъ ихъ опытностью: они ведутъ ее въ формахъ однообразныхъ, съ помощью приѣмовъ, которые перешли по преданію и остаются почти неизмѣнными. Засуха создаетъ для крестьянскаго хозяйства условія, когда борьба съ природой особенно нужна. Если бы, въ этихъ видахъ, крестьянинъ собиралъ запасы дождевой воды, производилъ болѣе глубокую пахоту, устраивалъ искусственное орошеніе, то обогащалъ бы себя опытностью, какъ бы ни были первобытны его приѣмы. Но онъ не предпринимаетъ ничего подобнаго, спокойно полагается на волю Божію и, отъ времени до времени, приглашаетъ священника отслужить молебенъ въ полѣ. Характеристика, данная Толстымъ простому рабочему человѣку, гораздо болѣе примѣнима къ